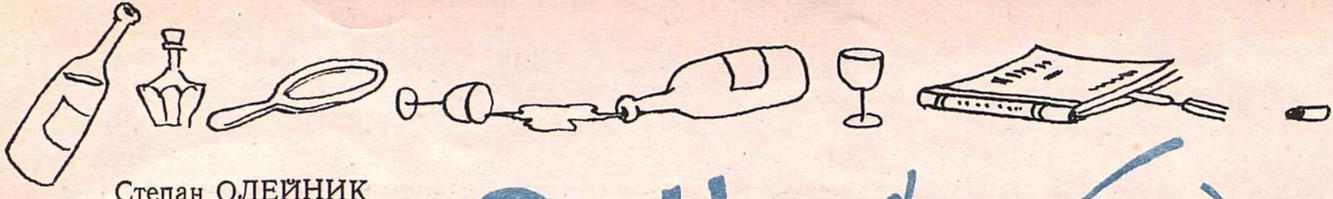

— Эй, ты всю рекламу портишь своим видом!

КРОКОДИЛ

Степан ОЛЕЙНИК

О Марфутках-институтках

Щеки в пудре,
В краске рот,
А глаза в хмельном тумане.
Пляшет барышня фокстрот
Поздней ночью в ресторане.

Рядом вьется бобик-франт,
Знай гнусавит: «О Марфута!..»
— Вот! — вздохнул официант.—
А студентка института!..

Ну и ну!
Студентка! Тут!
Выбивает «буги-вуги»!!.
И с тревогой в институт
Заглянул я на досуге.

Любопытствуя, иду
По просторным коридорам.
Все студенты на виду,
Всех окидываю взором.

Тут и мне от похвалы
Удержаться трудно! Вот!
Тут и юноши-орлы
И задорные девчата.

Споры жаркие ведут,
Заполняя кабинеты...
Это их, я знаю, ждут
Неоткрытые планеты!

Ждет их труд в родной стране,
Ждут свершенья их и слава...
Глядь,
Плывет навстречу мне
Размалеванная пава.

Вырез в платье — просто стыд,
Платья как бы нет, по сути,
Взгляд и дразнит и разит
Всех чубатых в институте.

Впрочем, каждый здесь готов
Встретить кралю шпилькой злою:
Мол, в зачетке пять хвостов,
А шестой — над головою!

И себя срамит и вуз,
Всем она чужда тут явно...
С ней, узнал я, был конфуз
На экзамене недавно.

Ассистент спросил в тот раз
У красотки, стихшей робко:
— Чем еще богат Кавказ,
Кроме нефти, руд и хлопка!

Помогал он ей, как мог,
Им тщетность всех попыток
И прозрачный дал намек:
— Ну!.. Вечерний ваш напиток!..

Дескать, «чай»!..
А пава — бряк
(Примечательная фраза!):
— Ах, да-да! Еще коньяк,
Кроме руд, идет с Кавказа!..

Ей гореть бы со стыда,
Ей удариться в тоску бы...
Нет! Она собой горда,
Смотрит нагло, скалит зубы.

Все для фифы трин-трава,
Все ей хаханьки да шутки.
Ни девица, ни вдова...
Есть такие институтки!

Кто сюда открыл им путь!
Кто им место предоставил!
Не пора ль на них взглянуть
С точки зренья Новых Правил!

Если фифы в вуз придут,
Пусть услышат:
— Хватит! Дудки!
Будет тут
Рабочий люд —
Не, марфутки-институтки!

Перевел с украинского
Валентин КОРЧАГИН.

г. Киев.

Владимир ЛИПКО

К ВОПРОСУ МУРАВЬЯХ

Недавно мне в саду на пригородной даче...
А впрочем, я начну рассказ иначе.
Не помню уж, во вторник или в среду.
Иван Фомич, мужчина средних лет,
Сев на «Победу», прикатил к соседу.
— Здорово, друг Фомич! — сказал сосед. —
Ты с чем пожаловал! Так просто иль по делу!
— Я вот чего, — сказал Фомич несмело, —
Я должен новый цех построить к январю.
Но видишь ли, какое положение:
Леском-то я богат, а с кирпичом горю.
Так ты уж это... сделай одолжение!..
— Так-так! — сказал сосед. — А помнишь,
в прошлый год

И я, буквально из последних сил,
Достраивал кирпичный мой завод
И лесу у тебя по дружбе попросил!
Ты не дал. А теперь пришла коза до воза!
Нет, дудки-с! Не получишь кирпича!
[Сосед Ивана Фомича
Был явно из другого совнархоза.]
Вот так Фомич нежданно сел на мель.
Но он достроил цех. Он был упрям и все же
Достал кирпич. Достал за тридцать земель.
Примерно эдак в двадцать раз дороже.

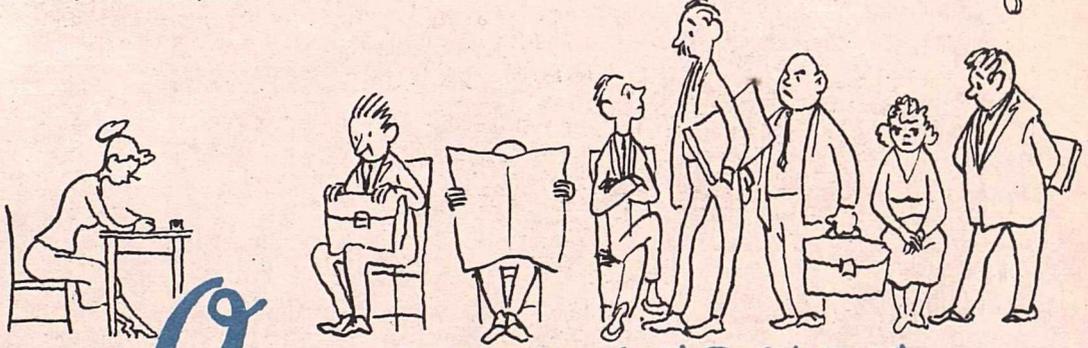

Я этот мой рассказ к чему веду!
На днях я муравьев видал в саду.
Они чего-то там совместно возводили.
Один лепил кирпичики из пыли,
Другой пыхтел, соломинку таща...
Умеют, дьяволы, работать сообща!

Но муравьи — пустяк. И вывод мой таков:
Я за людей. Но против дураков!

г. Ташкент.

Бабкен КАРАПЕТАН

Он В МИНИСТЕРСТВЕ

День начался. Уборщицы усердно
Вносят мусор и полы метут.
А он уже сидит у секретарши.
Он налицо. Всех раньше. Тут как тут.

И, полюбезничав достойно с нею,
Он начинает утренний обход
И к каждому из высоко сидящих
Находит соответственный подход.

Вот кабинет, в котором он обязан,
В клеенчатое кресло погружаясь,
Вздыхнуть сентиментально о минувшем,
Восстановить воспоминаний связь.

Затем в другом и третьем кабинете
Он также подходящий стиль найдет:
Тут сообщит волнующую сплетню,
А там расскажет сальный анекдот.

Так и проходит время незаметно.
Он на глазах начальства. Тут как тут.
Но где-то есть иное учреждение,
Там, в некоей приемной, люди ждут.

Те люди, для которых он фигура,
Которым он надежда и оплот,

Которым говорят, что он уехал
И возвратиться должен вот-вот-вот.

Он в министерстве на большом совете,
Он будет в три... А может быть, и в пять.
А если вы сегодня не дождетесь,
То завтра можете прийти опять.

Ему однажды круто разъяснили:
— Здесь пирогов и пива не дают,
Зачем торчишь ты по чужим приемным,
Когда тебя в твоей приемной ждут!

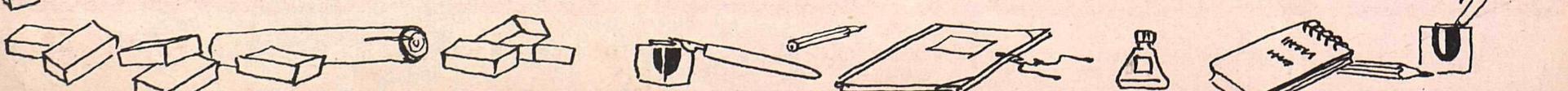
Он прекратил бесцельное шатанье,
Но я могу сказать наверняка,
Что если вы сейчас к нему зайдете,
Вам скажут все равно:
— Ушел в ЦК.

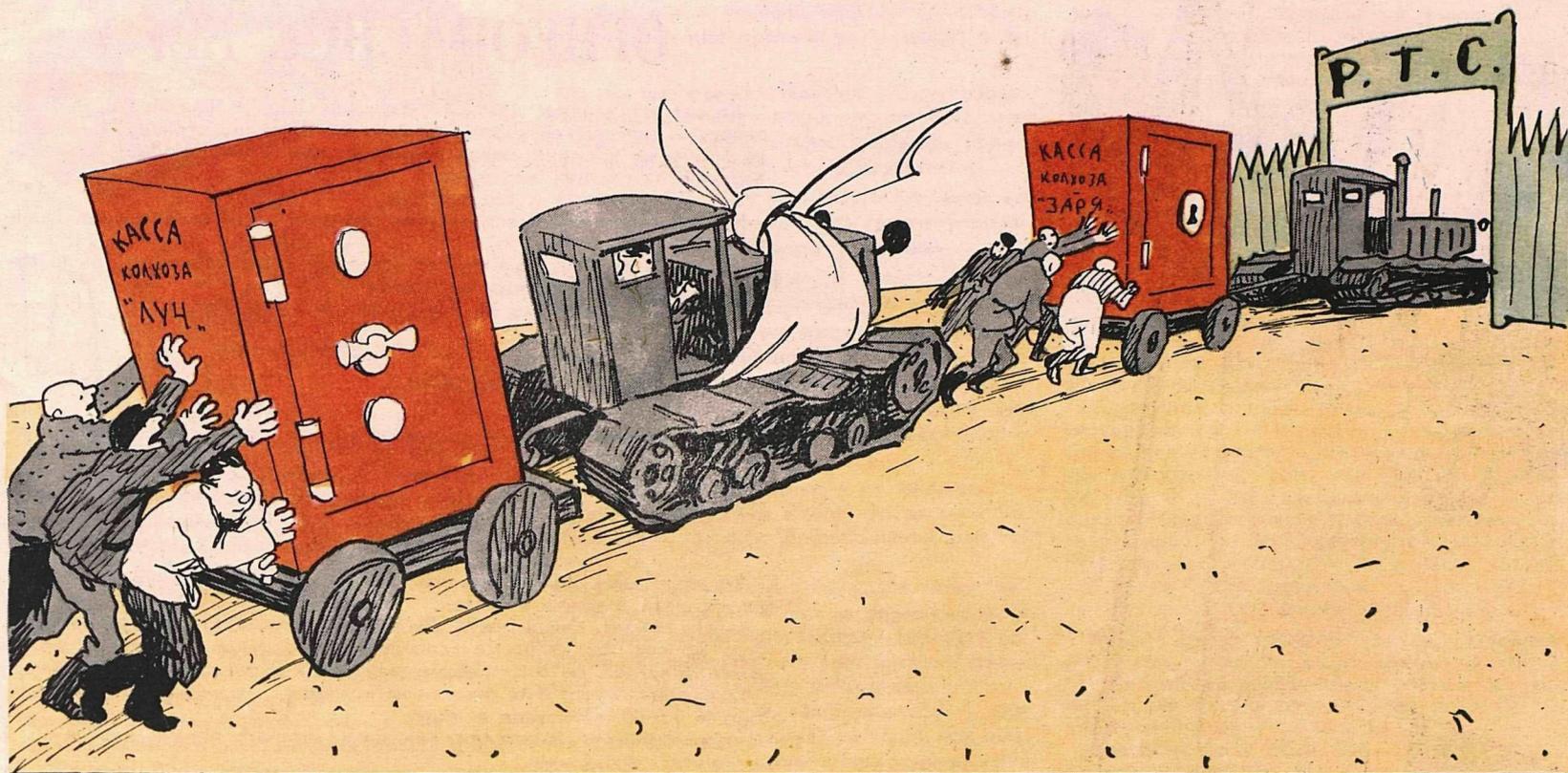
ЦК здесь ни при чем. Торчит он в бане
Или в шашлычной, тоже может быть.
В ЦК уж он не ходит.

Между прочим,
Его туда бы надо пригласить.

Перевел с армянского
АРГО.

г. Ереван.

В ремонт с прицепом.

МОЯ КОПИЛКА

С КАЖДЫМ днем все больше и больше даров поступает в мою копилку. И растет круг читателей, которые включились в борьбу против расточительства. Некоторые из них сделали вклад на миллионы рублей, некоторые ограничились более скромной суммой. Ну, что же, моя копилка с одинаковой готовностью принимает любые взносы!

Вот письмо, прибывшее из Усть-Каменогорского строительного управления «Казтеплоизоляция». Главный инженер тов. Мокин пишет:

«Знаешь ли ты, кто может сделать ценный вклад в твою копилку? Кемеровский завод минераловатных изделий. Каким образом? А очень простым: стоит ему лишь заменить деревянную упаковку минеральной ваты бумажной, как это с успехом делается на Сталинградском и Билимбаевском заводах. Ведь эта, с позволения сказать, «тара» составляет более 40 процентов стоимости упакованной в ней ваты! Нам этот хлам уже обошелся в круглую сумму свыше ста тысяч рублей».

Начальник станции Торжок Калининской железной дороги тов. Выговский мне пишет:

«В марте нынешнего года Новоторжская нефтебаза уплатила штрафов за задержку цистерн под выгрузкой сверх положенного времени более двухсот тысяч рублей, причем не думай, что об этом преступлении не знает никто. Совсем наоборот, происходит сие с дозволения начальства. Когда мы обращаемся к директору базы тов. Махоркину: мол, не совестно вам превращать цистерны в склады на колесах? — он только руками разводит: «Ничего сделать не могу, нет емкости». А толкнешься к заместителю начальника Московского товарно-транспортного управления Главнефтеснабсбыта Госплана РСФСР тов. Петросянцу, у того тоже ответ короток: заводы-де работают с перевыполнением плана, бензин направлять некуда. Другими словами: платили штрафы, платим и будем платить».

И вот результаты: за первую декаду апреля тов. Махоркин уже выложил на штрафы 15,5 тысячи казенных денег. Эх, заставить бы его всю сумму уплатить из собственного кармана!»

Разумное предложение, ничего не скажешь! Поскорей бы претворить его в жизнь. И не только по Новоторжской нефтебазе.

«Я долго думал: какой же вклад в крокодильскую копилку мне сделать? И вот решил я обратиться к тебе с вопросом, интересующим многих рабочих нашего завода, — пишет работник Харцызского сталепроволочно-канатного завода (Донбасс) тов. Зайцев. — Речь идет о табельщиках. Их на нашем заводе десятки. Занимаются они день-деньской тем, что пересчитывают жестяные номерки, чтобы выяснить, сколько человек находится на работе и сколько отсутствует».

Но ведь эту же самую работу делают и мастера и начальники участков! Мне кажется, пора отказаться от счетчиков номерков, перевести их на такую работу, где они будут приносить пользу. В крайнем случае можно оставить на заводе двух — трех табельщиц. Представь себе, сколько средств это бы сэкономило! Обсуди данный вопрос, дорогой Крокодил!»

С нетерпением ожидаю, друзья, дальнейших очередных взносов в мою копилку!

Дорогой Крокодил!

УЗНАЛИ мы, что ты взял шефство над строительством Соколовско-Сарбайского горнообогатительного комбината.

Узнали и решили тебя упрекнуть. Почему ты мало обращаешь внимания на химические стройки семилетки?

Взять, к примеру, наш Барнаульский завод искусственного волокна. Мы называем его «Большая химия Алтая».

Завод уже дает стране кордную ткань для автопокрышек, давно и успешно действует «малый капрон», скоро будет сдано в эксплуатацию сероуглеродное производство. В 1959 году должен вступить в строй и «Большой капрон». Это крупнейший цех, ведущее производство завода. И мы бы хотели сдать его раньше срока.

Но недаром, наверное, говорят: на всякое хотенье есть терпенье. Вот мы и терпим... то от планирующих органов, то от проектных организаций, то от Алтайского совнархоза, то от заводов-поставщиков...

Есть, конечно, неурядки и на самой стройке. Может быть, ты, дорогой Крокодил, возьмешь над нами шефство и поможешь нам? А за нами дело не станет и в строительстве и в снабжении тебя материалами.

До свидания!
По поручению коллектива химиков и строителей:

А. УРВАЧЕВ, старший инженер производственно-технического отдела Барнаульского строительного управления № 1.
Г. БАБАТ, начальник цеха «Большого напрана».
В. БАКАНОВИЧ, бригадир бетонщиков.
Д. БУБНОВ, плотник.
Вит. МОЛЧАНОВ, заместитель начальника комсомольского штаба на строительстве Барнаульского завода искусственного волокна.

Я СНОВА В ШЕФЫ УГОДИЛ,
И ЭТО ШЕФСТВО — ДЕЛО ЧЕСТИ.
ДАВАЙТЕ ЖЕ ТРУДИТЬСЯ ВМЕСТЕ:
ВЫ МАТЕРЬЯМИ ДЛЯ ВИЛ
МЕНЯ СНАБЖАЙТЕ.
КРОКОДИЛ

ОГНЕОПАСНОЕ ПЕРО

До сих пор в адрес детской литературы шли упреки по линии риторических персонажей взрослых. Действительно, по страницам некоторых книжек бродили скучные дяди и тети и ворчливыми голосами поучали пятилетних карапузов.

Это было скучно и бездарно.

Но вот наконец нашелся человек, который нанес риторике сокрушительный удар.

Усевшись за стол, поэт стал бегло просматривать все, что было написано до него детскими авторами.

Он обратил внимание на известное стихотворение:

Родители, Дети балуются,
не оставляйте детей одних. пожар от них!

Стихотворение поэту не понравилось, и он стал искать нового подхода к теме:

Дети, Родители балуются,
не оставляйте родителей одних. пожары от них!

Редактор «Пожарного сигнала», куда автор отнес лицеванные строчки, покачал головой и сказал:

— Не пойдет. Очень уж Маяковского напоминает. А идея интересная: до сих пор взрослые вели противопожарную пропаганду среди детей, а теперь ее будут вести дети среди взрослых... Благословляю!

Окрыленный поэт был отвезен на пожарной машине к себе на квартиру и тотчас приступил к делу.

Не раздумывая ни секунды, поэт начал строчить первую новеллу:

«Папа, — спрашивает дочка, — Залить бы враз, а где вода?»
Почему пустая бочка? Папа понял крошку-дочку
Случись пожар, тогда беда: И водой наполнил бочку.

Устранив недостатки в противопожарном водоснабжении, крошка-дочка заинтересовалась состоянием печного хозяйства и в соответствии с инструкцией Госпожнадзора дала следующую директиву:

«Слушай, папа, а когда же Там, где трещины и щели,
Вычистишь из труб ты Затрем глиной, да
сажу? побелим».
Возьми, папа, помело — Папа выполнил без спора
И за дело. Сажа — зло. Просьбу дочки точно, скоро.

В перерывах между манной кашей и киселем юная пожарница не раз обращалась к своим родителям с профилактическими призывами:

Настойчиво детский Если заметишь пожара огни,
звонит голосок: Мигом команде пожарной
«На случай пожарный звони»
имейте песок!»

Но отрицательные папа и мама не вняли предупреждениям дочки. Учинив какие-то шалости с огнем, они все-таки подожгли квартиру.

Раздумывать некогда! Подвязав слюнявчик, крошка-дочка смело бросилась на борьбу с огнем и ликвидировала его до прибытия пожарной команды.

При свете затухающего пожара лирическим апофеозом звучат слова малолетней героини:

Огонь к стене, как змей, ползком, Огонь погас, шипя со зла,
А я его водой, песком. Устала я, но дом спасла.

Второй персонаж стихотворений «Дети о пожаре», юный Петя, совершает приблизительно те же подвиги, уделяя главное внимание разоблачению взрослых, не усвоивших элементарных правил противопожарной безопасности:

Я видел на кухне, как «Ты, дядя, не дядя,
дядя в очках А красный петух.
К испорченной пробке Ты хочешь увидеть сквозь
приладил «жучка». фары-очки,
На дяденьку глядя, Как в небо пожаром
Подумалось вдруг: взлетают «жучки»?»

Наконец маме надоели проповеди вундеркинда, и между ними вспыхнул конфликт:

«Мама, опасно! Нельзя керосином
Дрова разжигать в печи».
А мама сказала: «Будь пайной сыном
И старших, глупыш, не учи!»

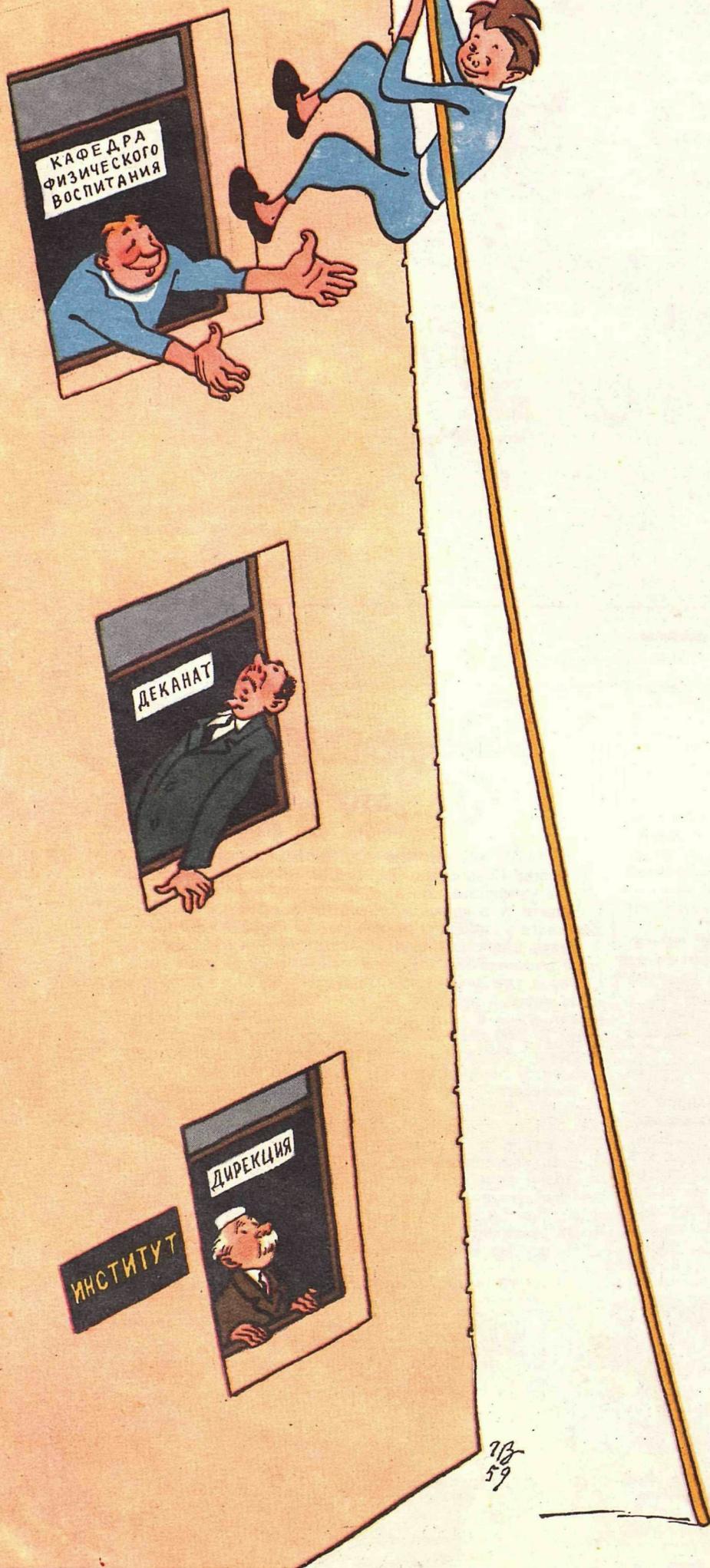
Это стихотворение автор назвал полемически: «Кто прав?»

На этот вопрос не ответил ни поэт А. Луговик, автор цитированных выше стихов, ни редактор «Пожарного сигнала», издающегося управлением пожарной охраны УВД Новосибирского облисполкома, где и напечатана серия новелл «Дети о пожаре».

Между тем надо бы ответить на вопрос, не кто прав, а кто виноват. Кто виноват, что в печатном органе завелись люди, не имеющие представления ни о журналистике, ни о литературе, а подчас и о элементарной грамоте?

Д. ЗОЛОТОВ

г. Новосибирск.

Иногда спортсмены попадают в вузы вне правил и без конкурса.

Рекордный прыжок.

У горничной Насти, о которой Тургенев упоминает в «Дворянском гнезде», не было своих слов. Она все время повторяла фразы и выражения, заимствованные у своих господ.

Однажды Настя сказала своему жениху: «Тебе должно быть скучно со мной». И тут же пояснила: «У меня своих слов нету...».

Буржуазные журналисты не так чистосердечны. Но они живут и работают, подражая такой несложной натуре, как горничная из давно разрушенного дворянского гнезда.

Вот один из многих примеров.

Господам из монополистических гнезд претит Женева. Даже одно упоминание этого швейцарского города вызывает у них лихорадку, повышает кровяное давление и снижает курс акций.

Особенно сейчас, когда в Женеве собрались министры иностранных дел и начали толковать — о боже! — насчет разрядки международной напряженности. Леди и джентльмены, к чему это может привести? Что такое напряженность? Доходы. А что такое разрядка? Убытки.

— Нет, ничего у них, леди и джентльмены, в Женеве не получится. Не выйдет! Не получится!

Господа сказали свое слово. Газетные горничные и лакеи тотчас же подхватили это слово и пустили в ход: «Не выйдет!», «Не получится!».

Джозеф Олсон из «Нью-Йорк геральд трибюн» спешно заложил под здание Женевского совещания заказанную ему Уолл-стритом пессимистическую мину и похоронным голосом вещает, что Женевское совещание джентльменами проводится только «ради соблюдения приличий».

Обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» выражается менее изящно. Он слова своих хозяев, как и свою грустную мину, не заворачивает в целлофан.

«Совещание в Женеве,— пишет он,— будет использовано для пропаганды и зайдет в тупик».

Да, им не нравится Женева. И они охотно предсказывают наступление дурной погоды на берегах Женевского озера: сплошная облачность, холодный ветер и град разногласий.

Словом, все Насти предсказывают ненастье. Создается впечатление, что газеты упрощают участников Женевского совещания:

— Зайдите, пожалуйста, в тупик! Мы уже обещали это нашим подписчикам.

А кто эта Настя в шароварах и в расшитых туфлях с длинными загнутыми носами? Это дипломатический обозреватель турецкой газеты «Акшам». Морщась так, как будто она жует лимон без сахара, турецкая Настя пророчит:

«От этого совещания, как и от прошлых совещаний, проходивших между Востоком и Западом, никто не ждет благоприятных результатов».

Подобно этой Насте, пессимистически настроена и фрейлейн Настя из западногерманской газеты «Нейе Рейн-цейтунг», которая категорически заявляет, что «нет шансов» на положительные результаты в Женеве.

Переключка Настей продолжается. В этот хор включается и мадемуазель Настя под именем Жорж Лева из газеты «Пари журнал». Он тоже поспешил зарекомендовать себя человеком, который умеет присваивать чужие слова. Статью о Женевском совещании он озаглавил «Слабая надежда на успех».

Зато надежды на собственный успех мосье Лева здорово усилил, сказав в своем сочинении:

«Еще не наступил час для начала переговоров между Востоком и Западом».

А когда наступит час? Об этом в свое время скажет всеведущий мосье Жорж Лева. Ждите сигнала! А пока оставайтесь на месте и раздувайте «холодную войну».

Скука с этими Настями!

Хорошо хоть, что, кроме них, есть и серьезные обозреватели. Они считают, что если делегаты в Женеве дружно возьмутся за дело, то тучи рассеются, ветер стихнет, в воздухе потеплеет,— одним словом, погода разгуляется.

Будем надеяться, что Насти, предрекающие ненастье, окажутся никудышными барометрами.

Г. РЫКЛИН

НАМ СООБЩАЮТ

В номере журнала за 10 марта мы поместили письмо нашего читателя тов. Сидоренко о том, что на 288 рабочих Черногорского угольного разреза приходится 62 служащих аппарата. Из Красноярского совнархоза получено сообщение, что трестом «Хакасуголь» два участка объединены в один, упразднен ряд должностей. Всего из управленческого аппарата треста сокращено 67 человек.

Тов. Сидоренко, благодарим вас. Теперь, может быть, 67 пар рук займутся производственной работой.

В № 7 Крокодила был напечатан фельетон «Крик затоваренной души». В нем, между прочим, высказывались весьма горькие истины по поводу сладкой продукции консервной промышленности Дагестана, лежащей на складах в течение нескольких лет.

Заместитель председателя Дагестанского совнархоза тов. Файнштейн пишет нам, что факты подтвердились. Директорам консервных заводов указано, чтобы они пускали на переработку не всякую кислотную и зеленую, а отбирали только хорошие фрукты. Надеемся, что теперь компоты, соки, маринады и варенья не будут вызывать горьких слов, а люди, потребляя их, не будут морщиться.

Житель города Инты Н. Голубев сигнализировал нам о том, что в орсе комбината «Интауголь» пустили ящики из-под товаров на топливо и что это обошлось государству в 120 тысяч рублей.

Виноваты мы с вами, тов. Голубев, неправильно подсчитали! Из Инты опровержение прислали: мол, «прямой убыток от списания ящиков орс понес на сумму 150 тысяч 796 рублей», а вовсе не на 120 тысяч, как говорилось в Крокодиле (№ 2 за 20.1.59 года).

Каемся, обмишурились.

В этом же письме нам объясняют, что ящики идут на топливо лишь потому, что их не принимает промышленность. Это наводит нас на грустные мысли. Выходит, деревянная тара губится не только в Инте, но и в других местах. Благодарить за это нужно работников бывшего Министерства торговли СССР, которые установили этот порядок, вернее, беспорядок.

В фельетоне «Маэстро под мухой» (Крокодил № 7) рассказывалось о некоторых деятелях «Мосфильма», которые часто в ущерб делу «снимают пробы с многозвездных коньяков».

Как сообщил нам генеральный директор «Мосфильма» тов. Сурин, поведение режиссеров К. Воинова и Т. Мелиава обсуждалось на партийном собрании. Собрание резко осудило поклонников коньяка и других горячительных напитков. К. Воинов освобожден от обязанностей председателя бюро режиссеров.

Рисунок Г. ПИРЦХАЛОВА.

ПЕСНЯ НЕУДАЧНИКА.

ЧЕРТ НА ПРОГУЛКЕ

По берегу озера медленно брел человек в странном одеянии. На нем были вязаные рейтузы, свитер в обтяжку и шапочка с торчащими над теменем уголками, все черное. И лицо у него было темное, ненатурального оттенка, как будто вымазанное сажей. Шел он по ледяному подстилу растаявшей дороги, искоса поглядывая вверх, на второй ярус берега. Там редкой цепочкой тянулись бревенчатые, под тесовыми кровлями дома.

«Попробуй подступи к ним! А надо было бы. Пойдите, прищучит вас антихрист!» — думал он злобно и готов был сам поверить в свои пророчества.

Карапуз в огромной шапке спускал по ручейку флотилию щепок. — Эй ты, пацан! — позвал прохожий.

Флотоводец минуту колебался, потом ввел флотилию в залив под гнилой колодиной и с опаской приблизился.

— У тебя бабушка есть? — спросил прохожий, пробуя придать голо-су давно забытый ласковый тон.

— Конечно, есть, — удивленно, нараспев ответил мальчик. — Она кроликов кормит. У нас и кролики есть, вот такие большие. — Он показал ладонью себе по груди. — А мама на базар уехала.

Сведения, кажется, пришлись пешеходу по вкусу, и он сказал без сюсюканья:

— Вот что, пацан, сведи меня к бабке.

Они пошли вверх по тропинке, местами прорезавшей сугробы до самой земли.

— А ты кто? — спросил проводник.

— Я-то? — Странный незнакомец поморщился и решительно закончил: — Я черт.

Нет, мальчик не пустился наутек, хотя и был несколько озадачен.

— А ты какой черт, настоящий? — продолжал он спрашивать.

— Настоящий.

— Ты на елке выступал?

«Здравствуйте, попробуй такого запугать!» — с тоской подумал черт. — А отцы истинной нашей, странствующей церкви требуют, чтобы я на этих проклятых озерах чуть не всех жителей обработал. Попробуй-те сами сунуть к ним нос, они вас так обработают — своих не узнаете! Ну да, впрочем, этот так, щенок. О нашем брате и не слышал!»

Они вошли во двор сельского клуба. Бабушка провожатого, наверно, сторожиха, щелала сухое полешко на растопку.

— Здравствуй, мамаша, бог в помощь. В бога-то веришь? — учтиво спросил черт.

— В бога-то? А я и сама не знаю! — весело ответила седая, но еще крепкая женщина, ловко действуя топором. — Какой-то ты чудной, мил-человек. Да ведь у нас тут всякие бывают. Входи в помещение, там тебе все расскажут. Ты не от безбожников ли будешь?

— Я-то? Я-то как раз напротив того, я черт. Не желаешь ли побеседовать?

Женщина отбросила тонюсенькую сердцевину полешка, поглядела на гостя и принялась смеяться еще пуще.

— И правда, что черт. Вывозился-то как! Да я и сама сейчас не хуже черта. Ступай, ступай, мне тут некогда пустяки растабаривать!

Ну и невезение! Никто и слушать его не желал! Черт счистил о ступеньки грязь с обуви и — делать было нечего — вошел в клуб.

— Из ума выжила, старая ведьма! — пробормотал он.

В холодном зале две девушки штопали декорации.

Гость сел в первом ряду партера.

— Пляски на уме? — заговорил он повизгивающим голосом полуприпадочного, как это было принято у сектантов. — Ан смерть не за горами, а за плечами. Вижу ее, безносую. Все будете кипеть в огненной сере!

— А ты откуда взялся, дяденька? — спросила девушка, что побойчее. — Здесь ведь клуб, а не молеальный дом.

— Это не дом! — сказал гость. — На всем свете только и есть два дома: божий дом и сатанинский дом.

— А ты сам из которого же?

— Я из преисподней вышел на прогулку. Настали последние дни, покроет землю дым и смрад. Среди дня будут люди бродить, как в ночной тьме.

Зажимая платочками рты, чтобы не рассмеяться, девушки вышли из зала.

— Ой, золотко, он же псих, сумасшедший! — говорила одна.

— А я говорю, артист! — настаивала другая. — Сосновских ждем?

Вот они и прислали нам для антирелигиозного концерта конференсье, как раз к репетиции и прямо в гриме.

Они открыли гвоздиком замок и вошли в директорский кабинет, весь пропахший мышами и столярным клеем.

— Ой, не утешай меня, я боюсь! — повторяла первая. — Из желтого дома он, этот артист. Тут же через лесок всего-то четверть часа ходу.

Она сняла телефонную трубку и вызвала психиатрическую больницу.

— У них побегов не было, — сообщила она и в бессилии сложила руки на коленях. — Подруженька, послушай, а если он недавно спятил и из дому убежал? Давай позовем врача. Только, чур, теперь тебе звонить!

— А там не Веникова дежурит?

— Веникова.

— Ну так вот, больной он или здоровый, а она его все равно запи-чужит. Как дважды два. Слышала, она инспектора упрятала, из своих же, по медицинской части. Инспектор хотел с черного хода к ним в больницу заглянуть. А тут как раз происшествие: больной сбежал. Направление в больницу вот оно, а носилки в машине пустые. Сопро-вождающие машину помчались на поиски. А в больнице подоспела смена. Сестра из приемного зала и звонит: больной-то, мол, ждет. Конечно, дежурный врач сразу является. И не кто-нибудь: Веникова. С хитростью этак подсаживается.

«Как доехали?»

А у инспектора своя хитрость.

«Дорога, — говорит, — неплохая, только вот неудачи преследовали: на пустыковом расстоянии два колеса пришлось сменить».

«И часто это так вас неудачи преследуют?»

«Случается».

Веникова засекает: мания преследования. Щелк — готово!

В разгаре инспектор фотографию показал.

«Вот это, — говорит, — мой брат. Поглядите, до какой степени я на него похож! Иной раз думаешь, может, это не он, а я каспийскую сельдь ловлю: брат у меня по рыбной части».

У Вениковой опять — щелк!

«И часто, — спрашивает, — с вами такое случается?»

«Какое такое?»

«Раздвоение личности?»

«Иной раз даже до расстройства доходит, поскольку теперь третий брат растет, и тоже на одну колодку».

Шуткой этой он себя окончательно и погубил. Юмора, как ты зна-ешь, Веникова не признает.

«Так, так», — могла она только молзить злоеще.

И тут на сцене появляются санитары. Не желает ли, спрашивают, по-чтенный и уважаемый гость познакомиться с внутренней архитектурой здания? Ведут его, раба божьего, в ванную комнату:

«Раздевайся!»

Тот видит, шутки плохи.

«Это, — говорит, — чего же ради? Я нынче утром мылся».

«Не бойся, грязнее не станешь, у нас порядочек».

Тут уж командировочному вовсе не до шуток.

«Я, — говорит, — инспектор. У меня, — говорит, — задание!» А у само-го голос повышенный и с этаким легким дрожанием.

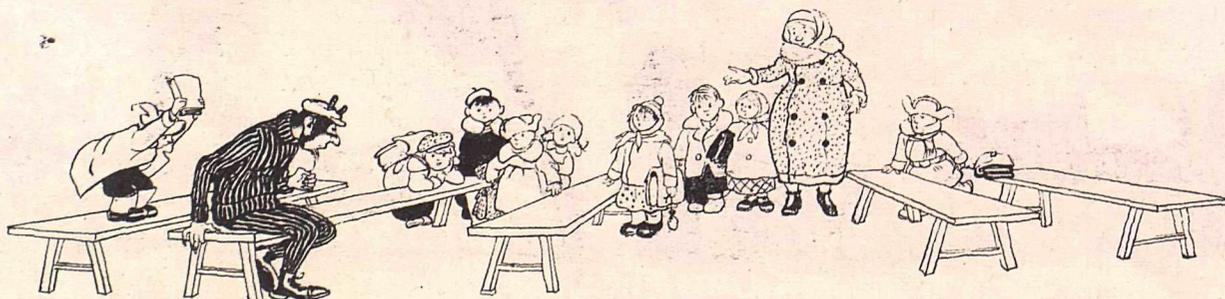
«У нас, — отвечают ему санитары, — младше-то инспекторов никто и не водится, а встречаются даже, чтоб ты знал, римские полководцы. Да ты, впрочем, не стесняйся, привыкнешь!»

Едва на третий день инспектор из палаты-то выбрался. Ну... как ты теперь скажешь, вызывать Веникову?

А черт в своей странной спецовке все сидел в зале. Было скучно и неудобно. И стало ему почему-то горько и обидно за все чертучье сословие, как будто он и вправду к нему принадлежал. «И дернула же меня нелегкая влезть в эту шкуру!» — думал он, глядя, как маль-чики и девочки, растянувшись длинной нитью, торопливо перебираются по ледяным островкам к клубу. «А ведь и эти бегут глаза на меня та-ращить!» —образил он.

И правда, прямо с экскурсии школьники торопились в клуб по пер-вому сигналу о появлении там заgrimированного артиста. Предводи-тельствовала ими Анна Федоровна, известная, хотя и с дурной сторо-ны, преподавательница литературы. Славилась она преданностью вуль-гарно-социологическим взглядам на изящную словесность.

— А теперь, дети, присмотритесь внимательней, — многозначительно начала она, построив класс в проходе между рядами скамей и сце-ной. — Персонаж какого произведения напоминает нам эта фигура? Ну,

смелее! Эта фигура как бы вышла из произведения А. С. Пушкина «Сказка о попе и работнике его Балде».

— ...де,— докончили школяры не очень уверенно.

— Совершенно верно: и работнике его Балде. А теперь скажите, какие социальные силы олицетворил поэт в образе черта и чертенят? Конечно, в них олицетворено мелкопоместное дво... Ну же, ну? Дво...

—...рянство! — прогудел неслаженный хор.

— Совершенно верно! Небольшое озеро, заросшее камышом,— такова нарисованная поэтом яркая картина запустения и упадка, характерная...—И учительница углубилась в дебри вульгаризации...

Будь мнимый черт более просвещенным, он позлорадствовал бы, видя, насколько примитивно преподается еще в некоторых школах литература, но это был заскорузлый, тупой черт из бывших уголовников, и он не получил даже и этого удовольствия.

«Нечего сказать, попугал концом света! — бесновался он.— В такую кашу залез — и не выберешься!»

Как только школяры направились в глубину клуба, черт нацелился было вышибить из гнезда длинной дверной крючок и дать тягу через запасной выход, но надо же было приключиться такому невезению: как назло, в двери ввалилась ватага раскрасневшейся на весеннем ветру молодежи с притопом, с приплясом — и тоже прямо к черту:

— Да вот же он! Что я вам, врать буду? Черт это или не черт?

Дюжкая атаман-дивчина уткнула руки в боки, локти расставила в стороны, как бы указывая товарищам, чтобы вперед нее не забегали. Гость готов был вскочить по-арестантски и сдаться на милость победителей. Да ведь неудобно: какой ни на есть — дитя преисподней!

— Большая программа? Без суфлера? — с ходу закидала его вопросами атаманша.— Сколько раз репетировали?

— Какие же у черта могут быть репетиции? — пролепетал черт слабеющим голосом.

Вся компания ответила взрывом такого хохота, что по окнам, оставя кривые бороздки, быстрее побежали капли.

— Заметьте: без шаргалки!

Атаманша — режиссер драмкружка — бросила в угол взгляд, точно на скамье сидела ручная обезьянка.

«Пропал! — окончательно решил черт.— Теперь ни за что не выпутаться! А чтобы их запугать, о том и думать нечего!»

— А на костюм они поскупились,— задумчиво заметила худенькая девушка.— Рейтузы черные, а штопка коричневая. Пегих-то чертей ведь не бывает, правда? Образ потеряет всякую силу! — И она ткнула черта карандашом в заштопанное колено.— Надо за свои права драться, в заштопанного черта зритель не поверит.

— Была нужна мне об этом заботиться! — наугад проговорил черт. Язык у него так размяк, что хоть разжуй и выплюнь.— Поверят, когда солнце почернеет и огненные змеи будут летать в небе и пущать изо рта горящую серу.

Ничего, сошло. Драмкружковцы опять долго смеялись, хлопали друг друга по плечу.

— Клад! Я говорю, клад! — восторгалась атаманша.— А теперь, господин черт, дозволейте полюбопытствовать: зачем изволили препожаловать?

«Так и втягивают в молотильный барабан, так тебя и засасывает!» — подумал черт и ответил напропалую:

— А дело у меня серьезное: послан упредить людской род о скором конце света.

— В точку! Что скажешь, лихого черта подкинули нам сосновцы? Это же самая злоба дня! Тут у нас религиозники распоясались: подметные записки под двери подсовывают, и все насчет конца света. Надо доверчивых простаков так высмеять, чтоб они от стыда места не находили. А тебя, чертово отродье, имей в виду, мы протурим со сцены помелом! Как ты проведешь эту сцену?

Черт подобного вопроса только и ждал. Чуть вприсядку, по-кошачьи обнося лапу лапой, бросился он к порогу, вынырнул вон, с силой хлопнул дверью.

Кружковцы долго смеялись.

— Ну и черт!

— Силен, бродяга!

— Этот всю программу вывезет! — восхищались кружковцы.

Тут с пулеметным треском, расплескивая воду из ледяных рытвин, примчался мотоциклист. Это был директор клуба, он же тракторист Мочаловский. На малых оборотах подъехал к самому окошку, позвал драмкружковцев.

Те перевесились через подоконник.

— Что тебе, Федя?

— Черта-то упустили?

— Здесь, за дверью. Думаю, сосновские все же заманили профессионала. Артист!

— Вот именно артист, неизвестно только, каких таких погорелых театров! Сосновских я обогнал, идут к нам всем коллективом, с гармошкой. Никаких чертей они не посылали!

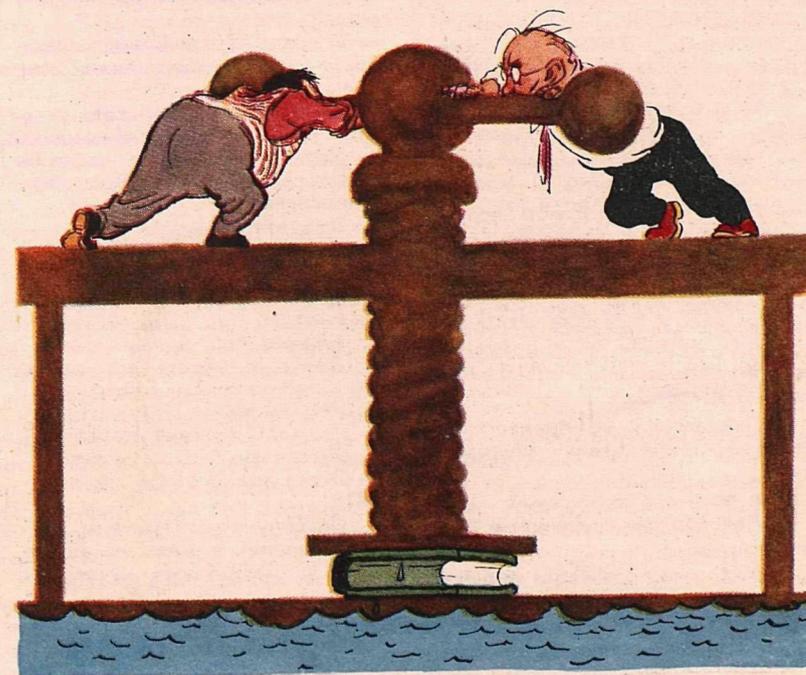
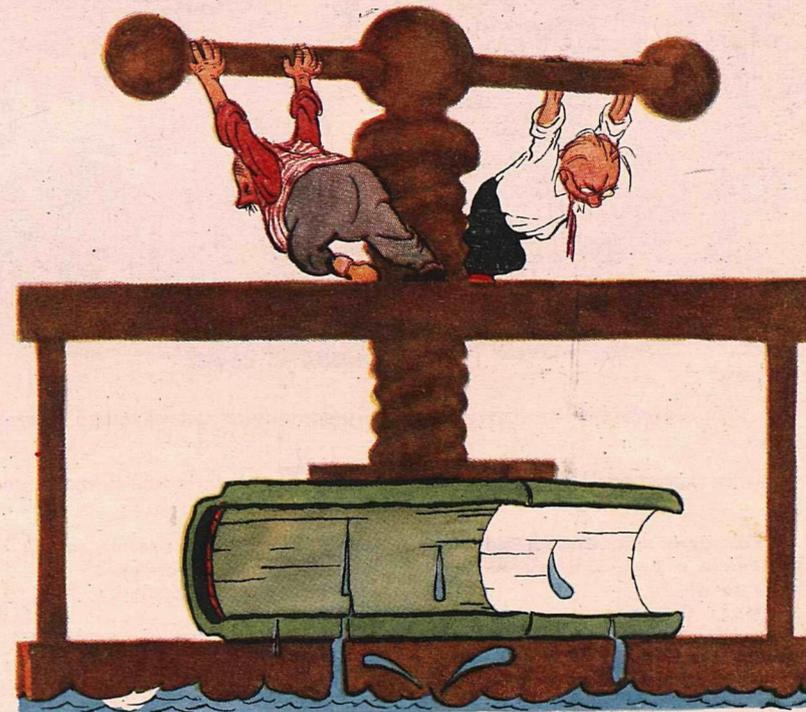
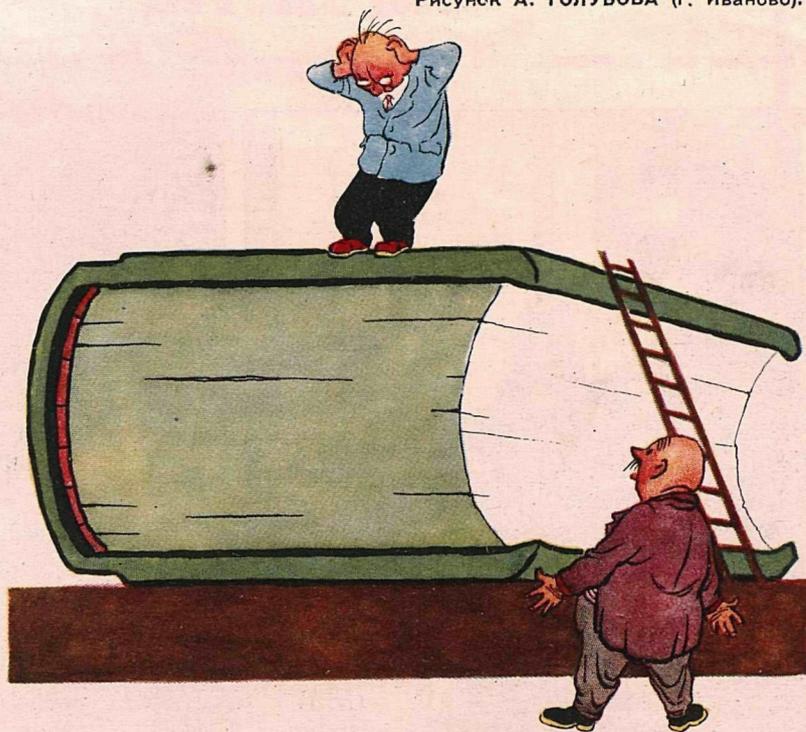
Очень были огорчены участники самодеятельности, настроение у них испортилось на весь вечер.

Но куда дороже обошлась репетиция черту. Удирая с перепугу по болотам, он промок до нитки. А дома гость из странников на него же накинулся с руганью. Он и лентяй, и захребетник, и чуть не предатель сектантской семьи.

Были они старые знакомцы. Гость, тот до сих пор скрывался под чужим паспортом. Редкие тайники сектантского подполья были его единственным прибежищем. И вот тайники эти проваливались один за другим. Не угодно ли, опять шлепай во тьме по мокрым дорогам! Постучишься ли хоть к рассвету в новую тайную дверь? И еще не ждет ли тебя там засада?

— А деньги? — спросил черт, сидевший в углу и отжимавший над лоханью рейтузы.— Ты мне сколько обещал за разведку?

— Работать надо лучше. Кто не работает, тот не ест! — съехидничал гость и ушел, не простившись.

Выжато 10 литров воды и 1 литр сиропа.

ИЗ-ПОД СУДА — В СУД

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Правосудие в Западной Германии зачастую вершат бывшие военные преступники.

— Кто там!
— Откройте, свои!

— Угад

ЛАБИРИНТ

— Господин канцлер, каково ваше мнение о развитии германского вопроса?
— Над Германией сгущаются тучи.
— Значит, гроза?
— Гроза. Москва предъявила нам ультиматум.
— Угрожает войной?
— Хуже! Мирным договором.
— Понятно. Значит, русские угрожают нам мирным договором, а мы против мира.
— Правильно... гм... точнее, мы за мир, но против договора.
— Но почему, господин канцлер?
— Потому что договор помешал бы нашему вооружению.
— А зачем нам вооружаться?
— Если мы не будем вооружены до зубов, мы не заставим русских подписать мирный договор.
— Но русские, как вы изволили заметить, предлагают Германии мирный договор...
— Они ничего не предлагают, они просто предъявили ультиматум.
— А если мы откажемся?
— Договор они подпишут и без нас.
— Это ужасно! Ведь мирный договор нельзя подписать без мирной конференции.
— Совершенно верно.
— В таком случае предложим русским мирную конференцию.

— Невозможно. Именно ее и предложили нам русские.
— А разве мы против?
— Разумеется.
— Но почему же, господин канцлер? Вы опасаетесь провала?
— Наоборот. Конференция могла бы завершиться удачей.
— А если переговоры не состоятся?
— В таком случае Советы односторонне нарушат Берлинский статус.
— Вы опасаетесь, что советские войска войдут в Западный Берлин?
— Нет, я опасаясь, что русские выведут свои войска из Восточного Берлина.
— Это ужасно!
— Поэтому-то мы и должны вооружаться!
— Для того, чтобы освободить Германию?
— Именно так.
— Для того, чтобы были выведены оккупационные войска?
— Правильно!
— Но ведь русские предложили добровольный отвод войск.
— Этого мы никогда не допустим!
— Не допустим?! Простите, господин канцлер, я тоже немец, но сейчас я вообще уже ничего не понимаю!
— Наконец-то вы приблизились к истине. Ведь в этом и прелесть всей нашей политики!
Из чехословацкого журнала «Рогач».

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Старая история.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

ай, кто я!

Рисунок Ю. ГАНФА.

Портрет фрау Германии, выполненный в боннской манере.

Юр. Ганфа. 59.

Новая история.

ЧАСЫ И ВРЕМЯ

Тут чувствуется запястье Москвы! — тревожно объявила недавно сирийская газета «Ан-Наср». Газета не хочет быть обвиненной в банальности. Рука Москвы — это уже избито, а вот запястье!..

Московское запястье стало объектом самого пристального внимания газеты. Точнее, не само запястье, а часы, которые на нем обычно находятся.

По утверждению «Ан-Наср», в Ираке «кишат советские агенты, которые недавно получили русские часы с вмонтированными в них магнитофонами».

Браво, редакторы «Ан-Наср»! Ну и зрение у вас! Рассмотреть без всякой лупы, на расстоянии сотен километров, не только русские часы, но и спрятанные в них магнитофоны — это ли не подвиг?

Кстати, господа редакторы «Ан-Наср», раз начав, стоит и продолжить. Со дня на день мы ждем от вас телеграммы, в которой будет описана и другая подрывная аппаратура, спрятанная в русских часах.

Наверняка, если присмотреться, вы заметите в их механизме с десяток ручных пулеметов и по паре средних танков (тяжелые танки пока в часы не влезают: мешают стрелки). Вот будет сенсация!

Справедливости ради следует

отметить, что вы расширили область антисоветских выдумок, включив в нее холодильники и водку. Вы утверждаете, что «советское посольство в Ираке ежедневно посещают делегации коммунистов и отрядов народного Сопротивления. Посетители сразу же бросаются к холодильникам, хватают бутылки с водкой и пьют ее прямо из горлышка».

Вот, оказывается, чем можно объяснить патриотический подъем иракского народа. Вина вина московская водка, к тому же предварительно охлажденная.

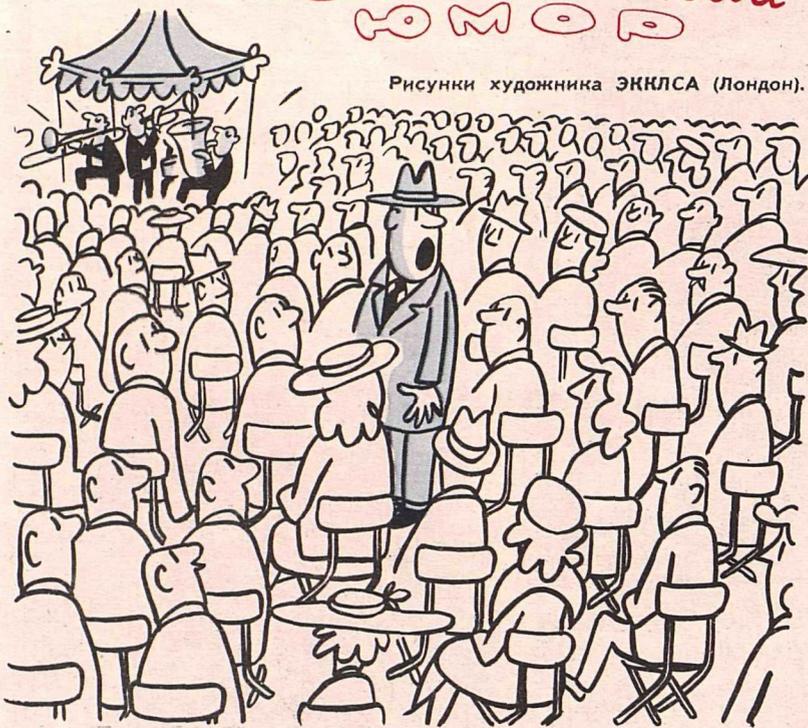
Редакторы «Ан-Наср» вполне могут взять в руки карандаш и подсчитать, сколько нужно русской водки и холодильников для «идеологической обработки» пяти с лишним миллионов жителей Ирака.

В результате наверняка появится новая сенсация: «Русские танкеры с московской водкой ежедневно разгружаются в Басре. Водка перекачивается в Багдад по специальному водкопроводу».

Что же касается часов, то все они, любой марки, показывают, что газета «Ан-Наср» забывает о времени. Не то сейчас время, чтобы кто-нибудь поверил ее антисоветским выдумкам.

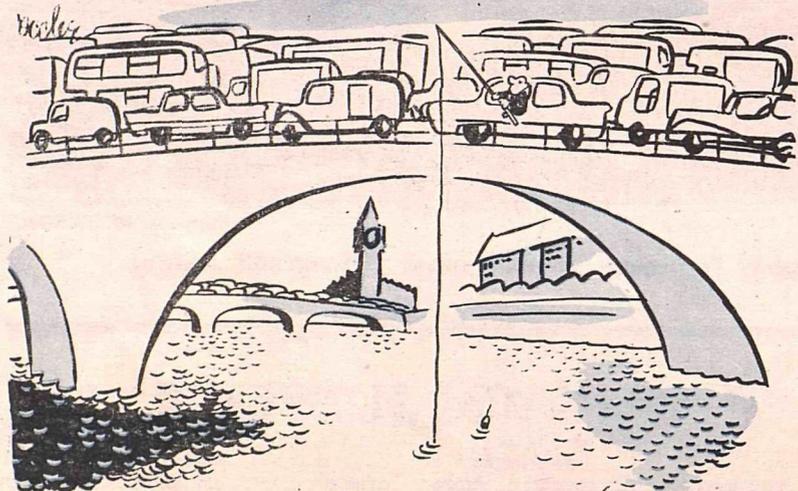
З. ЮРЬЕВ

Английский юмор

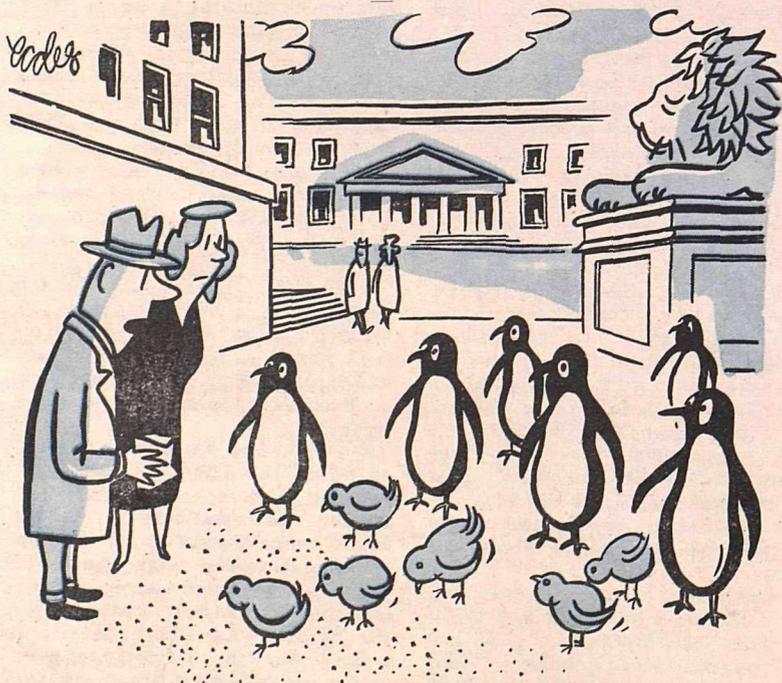

Рисунки художника ЭКЛСА (Лондон).

— Но ведь у меня же было место до того, как исполнили гимн!

В часы «пик».

— Похоже, милая, что и это лето будет холодным!

ЮЛУ БРИННЕРУ, ПОЖИРАТЕЛЮ СТАКАНОВ

Открытое письмо киноактеру Юлу Бриннеру. США, штат Калифорния, Голливуд

Юл Бриннер в роли советского майора в фильме «Путешествие».

Мистер Бриннер!

Недавно мне в руки попала английская газета «Дейли геральд» с рецензией на новый голливудский фильм «Путешествие», в котором вы исполняете роль майора Советской Армии, находящегося вместе со своей частью в небольшом венгерском городке.

Зная, что за последнее время вы приобрели в американских кинокругах твердо установившуюся репутацию знатока таинственной и непостижимой русской души, я, признаюсь, живо заинтересовался рецензией. Кто знает, подумал я, может быть, вы и впрямь силой своего таланта проникли в глубочайшие тайники славянского характера, открыв миру, в том числе и нам самим, его неведомые доселе стороны!

Не успел я прочесть и дюжину строчек, как понял, что предчувствия меня не обманули. Оказывается, в один из кульминационных моментов фильма вы нагибаетесь над столом, берете зубами полный стакан водки, одним махом выпиваете его, а затем... разгрызаете пустой стакан и закусываете им.

Как пишет рецензент, при этом у вас по губам течет кровь и вы, улыбаясь, объясняете: «Это старинный русский обычай!»

Я не буду поздравлять вас с другими находками, ибо я достаточно потрясен этим эпизодом. Ведь какая, черт возьми, многозначительная символика!

Русский майор берет стакан водки зубами? Убедительно. Чем же он еще может его взять, когда руки у него круглосуточно заняты осуществлением планов красной агрессии?

Закусывает пустым стаканом?

А как же иначе? Чем еще может закусить изголодавшийся русский человек?

У него течет кровь по губам? При его кровожадности это вполне обычное состояние, так сказать, будни.

Маленький эпизод, а какая гамма чувств и мыслей! Я нахожусь под столь сильным впечатлением от вашего знания русских обычаев, что хотел бы подсказать вам еще несколько, о которых ваши сценаристы, возможно, еще не знают.

Во-первых, изображая русских, вы вполне можете закусывать не только стаканом, но и скатертью. Проглотив стакан, скатерть. При этом вы можете тонко улыбнуться и объяснить: «Так делал племянник Рюрика».

Во-вторых, если ваш славянский герой — эдакий рубаха-парень, стонущий под игом диктатуры местного райздравотдела, пусть он в порядке протеста съест и стол. Но при этом вы ни в коем случае не должны пользоваться вилкой и ножом: русские до этого еще не дошли. Пользуйтесь исключительно пилкой. Отпилите ножку — съешьте. Отпилите другую — проглотите.

Неплохо также показать, как мы, русские, просыпаемся утром. Мы встаем, делаем зарядку, а потом, чтобы не убирать постель, съедаем ее вместе с матрацем.

* * *

Англискому рецензенту фильм не понравился. С его точки зрения, он «оставляет кислый привкус». При этом, надо думать, речь идет не столько о вкусе разгрызенного стекла, сколько о политических вкусах авторов картины. Ибо антисоветские выдумки давно и всем набили оскомину.

Николай КРЮЧКОВ,
киноактер

Николай Крючков в роли советского майора в фильме «Три встречи».

МЕЛКОЙ ДРОБЬЮ

СВЕЖИЙ ГЛАЗ

Американец Карл Тайнер, впервые избранный в законодательное собрание штата Индиана, дал довольно образное определение внутривнутриполитической жизни в США. В ответ на вопрос, как ему нравится его новая должность, Тайнер заявил: «Лучше бы я у себя дома разгребал навоз».

(США. «Тайм».)

ВЗЯЛ НА БОГА

Нью-Йоркская полиция арестовала недавно некоего Герберта Мэйсона, который под угрозой оружия, якобы спрятанного у него в кармане, вынудил хозяина одного магазина отдать ему вырубку. На допросе пойманный налетчик скромно заявил, что в момент ограбления он был безоружен. «Просто я держал в кармане вот эту книжечку», — заявил он. И повертел перед носом полицейского комиссара карманной... библией.

(Франция. «Пари-пресс энтрансижан».)

СОР—ИЗ ИЗБЫ!

АМЕРИКАНСКИЙ тяжеловес Пауль Андерсон, установивший в 1955 году мировой рекорд по поднятию тяжестей — 512,5 килограмма, до последнего времени не имел конкурентов. Совсем недавно новое достижение установила тетьа Саша — дворничиха Ленинградского отделения Союза писателей. Ее результат — 605 килограммов.

Правда, подняла она этот вес не сразу, не в один прием, а в течение месяца, но данный факт ничуть не умаляет ее успеха, тем более, что она женщина, и притом молодая.

Тетьа Саша обставила не только мирового рекордсмена, она оставила далеко позади себя весь Ленинградский совнархоз, в полном составе, со всеми его управлениями и тысячами штатных единиц. Ленинградский совнархоз отстал от тети Саши на 15 килограммов...

Надо отдать должное рекордсменке: она не остановилась на достигнутом. Еще один ее рекорд будет занесен в категорию всесоюзных: за тот же месяц тетьа Саша дала стране 15 125 школьных тетрадей. Цифра внушительная, особенно если принять во внимание, что тетьа Саша не фабрика канцелярских принадлежностей, а всего лишь рядовая дворничиха. В отличие от иных рекордсменов, которые установят рекорд и потом годами почивают на лаврах, тетьа Саша свои рекорды повторяет и улучшает из месяца в месяц.

Теперь на время оставим тетьу Сашу с ее килограммами и обратимся к вопросу, что такое вторсырье и как люди, сами того не подозревая, становятся его производителями и поставщиками. Оказывается, все мы, вне зависимости от нашей основной профессии, пола, возраста, образования, интересов и увлечений, являемся по совместительству поставщиками вторсырья. От этого не освобождаются ни глубокие старики, ни дети-ползунки. Мы поставляем вторсырье бессознательно на протяжении всей нашей сознательной жизни. Курильщик докуривает папиросу, и у него в руках оказывается уже не окурки, а это самое вторсырье. Ребенок отправляет в рот шоколадного «Мишку» и небрежно швыряет на землю обертку, которая тут же превращается в несколько граммов вторсырья. Секретарь в учреждении готовит для начальника материалы к докладу, вдохновение не идет к секретарю, он нервно рвет страницу за страницей. Еще неизвестно, получится ли доклад, а корзинка для бумаги уже до краев наполнена вторсырьем.

Издатели тоже стараются не отставать. С 1956 года на полках ленинградских книжных магазинов ожидает перевода в ранг вторсырья почти полностью не распроданный тираж бесценного фолианта под названием «Кинотеатры Ленинграда». С 1957 года на том же положении находятся 20 тысяч непроданных экземпляров книжки «Театральный Ленинград». Некоторые периодические издания тоже стали в последнее время бороться за получение звания «вторсырье». Они кипами возвращаются на склады из киосков «Союзпечати».

Но это, так сказать, организованное вторсырье. Наступит момент, когда от этих изданий откажутся даже складские крысы, и тогда, хочешь не хочешь, их придется называть своим именем.

Хуже обстоит дело с поставщиками неорганизованными. Если еще можно как-то учесть картонные обрезки на кондитерских и табачных фабриках, то кто возьмется подсчитать, сколько обрывков бумаги и картона уходит ежедневно в небытие из продовольственных, промтоварных, галантерейных и мебельных магазинов! И сколько этого вторсырья мы уничтожаем дома!

Может быть, отчасти в этом виновато некое словосокращение — «вторсырье». Оно звучит юмористично, и, видимо, поэтому никто к нему всерьез не относится.

КОГДА ПРОСТАИВАЮТ МЕХАНИЗМЫ

Нашли выход.

Попробуем растолковать, что подразумевается под этим мудреным названием. Мы имеем здесь дело с сырьем, которое может быть вторично пущено в производство.

Установлено, что из тонны бумажной макулатуры получается 750 килограммов новой бумаги, или 25 тысяч школьных тетрадей.

По самым скромным подсчетам, каждая семья растраниживает в год 20 килограммов полезного бумажного сырья, то есть выбрасывает на помойку ежегодно 500 школьных тетрадей.

В учреждениях стараются всячески отделаться от негодной бумаги. Устраивают эффектные аутодафе либо в печах, либо просто в учрежденческих дворах. Один Ленинград отправляет на свалку более 70 тысяч тонн бумажного сырья в год. Удастся спасти не больше 30 процентов. Один миллиард 250 миллионов школьных тетрадей ежегодно сгнивают на корню на мусорных свалках одного только Ленинграда. Любителям больших цифр предоставляется возможность расширить эту выкладку до всеобщего масштаба.

Человек, впервые сказавший «бумага все стерпит», надо думать, имел в виду не только литературные упражнения, но и неисчислимые мегатонны той бумажной прослойки, которую теперь называют вторсырьем. Ее жгут, гноят, уничтожают всеми доступными человеку способами.

Когда речь заходит о сборе вторичного сырья, у людей делаются такие лица, как будто им дали пососать лимон.

— Вторичное сырье! Да, конечно, кто же не понимает, что это важное дело! У нас этим, кажется, занимается завхоз, у него в ведении дворники, а те уж...

Мы попробовали выяснить, сколько бумаги собирают в месяц все управления Ленинградского совнархоза. Удалось уста-

новить, что в феврале сдано 515 килограммов, а в марте — 590. Если разделить это на 20 управлений, выходит что-то около 30 килограммов на каждое.

Ну как тут не вспомнить о дворничихе тете Сахе! Она одна сдала в 1958 году 4 512 килограммов бумажного сырья. А в марте 1959 года установила рекорд — 605 килограммов! Мы даже считаем своим долгом назвать полностью имя, отчество и фамилию рекордсменки. Познакомьтесь: Анхимова Александра Васильевна.

Известно, что ни один спортивный рекорд не бывает достигнут без участия тренеров. Было бы величайшей несправедливостью обходить молчанием повседневно воспитательную работу этих незаметных тружеников. Хотя рекорды тети Саши и не являются спортивными в чистом значении этого слова, но и у нее есть свой вдохновитель, свой тренер. Это дядя Саша. А если быть более точным, Александр Прокофьев, председатель Ленинградского отделения Союза писателей. По профессии он не хозяйственник, а поэт, но к бумаге относится так хозяйственно, что другим хозяйственникам можно поставить в пример. Во вверенном ему учреждении не пропадает ни одна бумажка, ни копия протокола, ни устаревшая переписка, ни сработавшая копирка. Все поступает в хозяйство тети Саши. Есть чему поучиться даже тем, кто руководит специальными организациями, созданными на предмет сбора утильсырья, и не проявляет пылкой любви к своему предмету.

Старая пословица утверждает, что выносить сор из избы не следует. Тут мы имеем дело с частным случаем, когда сор из избы выносятся следует. Особенно если этот сор является промышленным сырьем, а избы многэтажные.

Н. ЛАБКОВСКИЙ

Главбревно на лесосплаве.

ПОЧЕМУ УЛЫБАЮТСЯ МАНЕКЕНЫ

В ВИТРИНЕ И В МАГАЗИНЕ

Есть такая витрина на Кузнецком мосту, мимо которой ни одна женщина не в силах пройти равнодушно. Да и какое женское сердце не забьется учащенно при взгляде на элегантное пальто с пушистым ворсом, эффектные костюмы из репса и цветастые капроновые платья, в которых щеголяют улыбающиеся свысока манекены!

Здесь, во Всесоюзном Доме моделей, создают, так сказать, образцовые образцы для швейной промышленности. Швейная промышленность внедряет эти образцы в производство. После чего они поступают в магазин.

Многие женщины представляют дело именно таким образом. И расплачиваются за свою доверчивость, когда прямо от витрины Дома моделей устремляются в торговую сеть. Вот здесь после бесплодных поисков они убеждаются, что почтенный директор этого дома Николай Николаевич Никифоров не кто иной, как коварный соблазнитель. Элегантные и недорогие одежды, которыми блистают манекены в витрине Дома моделей, в магазинах почти не появляются.

Зато там есть женские платья из той самой шерсти, из которой сшита форма для миллионов школьниц Советского Союза. Там есть и многолетние неувядающие васильки, которые в отличие от своих прародителей-сорняков, подлежащих прополке, буйно цветут на крепдешиновых полях. Что же касается воздушного капрона, то даже в новом магазине синтетических товаров на улице Горького капроновые платья похожи друг на друга, как сорок тысяч братьев.

— Позвольте, но где же те прекрасные вещи, которые носят манекены? — с недоумением и горечью вопрошают обманутые в своих лучших ожиданиях женщины.

Чтобы ответить на этот вопрос, заглянем за витрину Всесоюзного Дома моделей.

ЕСЛИ ВЫ НЕ МАДАМ ЭРИКСОН...

— Я выбрала этот цвет плесени, поскольку основной цвет мадам Эриксон — гаванна, — ползая на коленях перед чем-то бесформенным, доверительно сообщает художница номер один художнице номер два. — Это вечернее платье влетит в копеечку.

Художница номер два согласна. О, платье, безусловно, придется по вкусу мадам Эриксон! К нему, конечно, потребуются небольшая деталь в виде собственной автомашины. Что же, у мадам она есть.

— Однако мне кажется, — неуверенно продолжает художница номер один, — что шьем-то мы все же не для мадам Эриксон. Наша цель — на основе гардероба мадам Эриксон спланировать гардероб гражданки Ивановой, Петровой, Сидоровой...

Обе художницы время от времени благоговейно заглядывают в специальное приложение к «Журналу мод», которое издано в этом же доме этажом выше. Приложение называется «Умение одеваться». Окажется, умение одеваться надо учиться... в переводе со шведского. Но если у вас не вошло в привычку выводить на прогулку свое новое пальто, как выводят доберман-пинчера, если вы самая обычная женщина, которая работает, занимается хозяйством, ездит в троллейбусе и отдыхает в доме отдыха по профсоюзной путевке, — что тогда?

Манекены только ехидно посмеиваются. Они-то знают, что тогда вам придется туго, ибо в Доме моделей еще слишком много забот проявляют о гардеробе мадам Эриксон.

КАК «РАСПИСЫВАЮТ» МОДЕЛИ

Впрочем, о гардеробе мадам Эриксон заботятся не только модельеры, но и швейники. Чтобы убедиться в этом, достаточно побывать на так называемом «расписании», когда модели, утвержденные художественным советом Дома, «расписываются» швейным фабрикам.

Происходит это обычно в ярко освещенном просторном зале. Швейники держат под языком таблетки валидола. Товароведы запоем пьют валерьянку. Хозяева дома — модельеры — то и дело удаляются на медпункт вспрыснуть сосудорасширяющее. И не мудрено: модельеры ратуют за новые фасоны, швейники — за такие фасоны, которые выгоднее, то есть стоят подороже, представители торговой сети — за дешевые «ходовые» фасоны. Словом, лебедь, рак и щука...

И только одни манекены сохраняют олимпийское спокойствие. Они-то наперед знают, что будет дальше. Как и всегда, вместо скромных каждодневных платьев модельеры продемонстрируют столько подвечных нарядов, будто вся Москва разом ринулась в загсы. Швейникам это на руку: чем больше всяких там бантиков и рюшечек, тем выше стоимость обработки.

И еще одно интересное обстоятельство подметили манекены. Вот уже который раз появляется на помосте маленькая девочка в розовом

шелковом платье с оборочками. И который раз произносит директор швейной фабрики № 19 Мария Михайловна Фокина стереотипную фразу:

— Хорошая переходящая модель.

Переходящая — это значит, что модель шагает из одного плана в другой. Эту, во всяком случае, начали шить задолго до того, как родилась сама малышка. Девчушка вот-вот разревется: она понимает, что на нее надели то, что уже никому не понравится. Кроме тети директора. Но тетя директор не в счет: даже ребенок знает, что фабрика предпочитает шить старые, раз навсегда налаженные на конвейере фасоны.

Конечно, швейники выберут и какое-то количество отличных новых моделей. И запустят их в производство. Но почему опять так лукаво посмеиваются манекены?

ТИРАЖОМ В ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР

Мы на швейной фабрике.

В ящиках каталога хранятся десятки карточек, а вдоль стен тянутся застекленные шкафы. Но на карточках значатся не классики литературы, а авторы моделей и названия материй, из которых должна быть сшита модель. Должна быть... Но если книг, которые существовали бы только в каталоге, нет, то платьев, которые существуют только на конфекционной карте, сколько угодно. Образцы указанных на карте тканей так и остаются образцами. Возможно, что на текстильной фабрике «Красная Роза» действительно, как в арии поется, «не счесть алмазов в каменных пещерах, не счесть жемчужин...». Но только до швейников ни тафта «Алмаз», ни тафта «Жемчуг» не доходят. И ткань «Аэлиту» так же трудно заполучить с текстильной фабрики имени Свердлова, как ее тезку, героиню романа Алексея Толстого, с далекой, затерянной в космосе планеты.

Правда, есть платья, которым больше повезло: их все-таки сшили. Даже самые уникальные книги не издавались тиражом в один экземпляр. Но то, чего не знает полиграфическая промышленность, стало печальной практикой швейной. Длинной вереницей висят в шкафу хорошие платья с новыми, интересными линиями, изданные тиражом в... один экземпляр. Судя по всему, они так и не увидят света. Товароведы их не заказывают.

...Манекены продолжают высокомерно улыбаться. Они уверены, что самое модное платье будут носить только они. И что заслуга здесь принадлежит не только швейникам...

ЗАПЛИССИРОВАННЫЕ ПРОДАВЦЫ

В отличие от плиссе, которое, по компетентным отзывам, держится не более года, вкусы работников прилавка зачастую бывают заплиссированы на значительно более долгий срок.

— Не пойдет, — как правило, отрещиваются они от новых фасонов. — Необычно. Рискованно. Не купят.

И тщетно доказывать им, что все новое необычно, что вкус покупателя надо воспитывать.

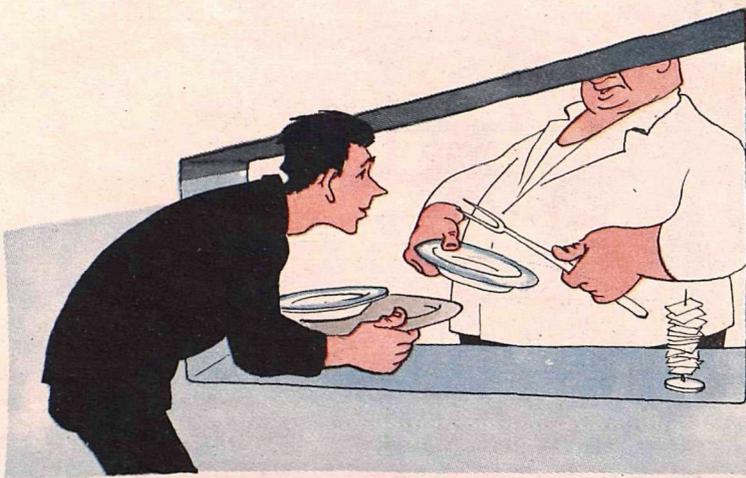
Торговые работники предпочитают гадать «купят, не купят», принимая за основу кассовую выручку прошлого года. И поэтому прилавков становится подчас тем барьером, через который не могут перешагнуть хорошие новые модели.

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОТВЕТ

Даль недаром назвал моду «ходящим обычаем». Хорошая модная одежда не должна быть достоянием только деревянно улыбающихся манекенов. Но когда же наконец будут улыбаться покупательницы, примеряя элегантное пальто с пушистым ворсом, эффектный костюм из репса или платье из цветастого капрона? Об этом и хочется спросить у вас, товарищи текстильщики, модельеры, швейники и товароведы. У тех, кто штампует столетней давности ткани. У тех, кто, создавая модели, забывает подчас, что, кроме праздничного вечера, есть еще и рабочий день. У тех, кто не склонен шить новинки только потому, что они простые и недорогие. У тех, кто в погоне за выручкой сегодняшнего дня учитывает только спрос вчерашнего и не думает о завтрашнем.

Пусть же все, коим ведать надлежит, не уподобятся загадочно улыбающимся, как сфинксы, манекенам. И ответят на этот вопрос хорошими и разными моделями. И в достаточном числе.

Алла ТРУБНИКОВА

— Вам с чем котлету!
— С мясом, пожалуйста!..

По прямой проводу

От наших читателей

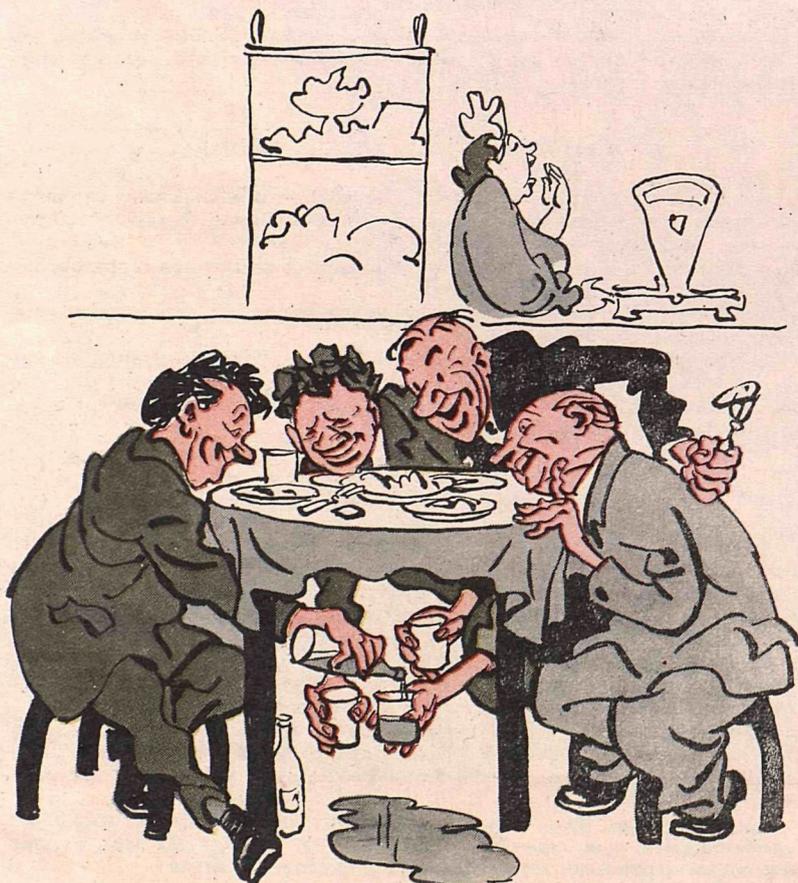
Мичуринск, Тамбовской области. Правление сельхозартели «Родина», Мичуринского района, подложило колхозникам свинью. И даже не одну. В красный уголок вселены две свиноматки.

А. ЗАХАРОВ

Верхне-Мулинский район, Пермской области. Блестящий пример работы «с огоньком» показал Пермский облпотребсоюз. Он завез в сельпо района двухлетний запас спичек. Товар пришлось сложить в овощехранилища. Что будет, когда пойдут овощи?

В. УМРИХИН

Рисунок П. ОСТРОВСКОГО по теме А. Зубкова (г. Москва), присланной на конкурс.

Подстольная.

ПРОХЛАДИТЕЛЬНО-ГОРЯЧИТЕЛЬНЫЕ

В СЕМЬЕ бухгалтера Ивана Петровича Пересчетова случилось чрезвычайное происшествие. С прогулки из близлежащего скверика возвратилась бабка Евстолия с шестилетним внуком Вовкой. Оба они — и стар и мал — были мертвецки пьяны.

Пройдя в свою боковушку, бабка долго и упорно кричала: «Эх, где мой осмнадцать лет!», — притопывала и наконец затихла: на верное, уснула. Вовка попытался было снять тапочки, но свалился на ковре, так и не добравшись до кровати. Пришедшего со службы Ивана Петровича встретила потрясенная супруга.

— Я ничего не понимаю, Ванечка! — всхлипывала она в посудное полотенце. — Это же кошмар какой-то... Мало того, что сама напилась, она еще и ребенка спойла! Поди, полюбуйся!

Иван Петрович полюбовался, но, будучи человеком рассудительным, объяснение решил отложить до той поры, пока пьянчуги проспятся. Не в вытрезвитель же их отправлять!

Пообедали молча. После котлет страшно захотелось пить.

— Сходи-ка, Люсенька, на угол, в киоск, — внес предложение глава семейства. — Там, кажется, торгуют чем-то холодненьким...

Людмила Семеновна припудрила заплаканные глаза и отправилась по указанному адресу. Возвратившись, она поставила на стол четыре бутылки «Гулистана».

Супруги выпили сначала по одному, затем по второму стакану «Гулистана». Вслед за этим были откупорены и вторые две бутылки.

Когда бабка Евстолия часа через два очухалась от винных паров и вышла в столовую, она была приятно удивлена. Вместо упреков в недостойном поведении супруги встретили ее дружным шотландско-бетховенским:

— Выпьем, ей-богу, еще!!

— Тыфу! — догадалась наконец бабка о первоисточнике своего и Вовкиного конфуза. — Ведь и я ее, проклятую, сегодня попробовала. Полстаканчика всего, остальное-то малец допил... Не помню, как я домой с ним добрела... А теперь и эти нагулистанились!

Если верить бутылочной этикетке, «Гулистан» — это «освежающий, безалкогольный, газированный напиток». Так, во всяком случае, считает пищевой отдел управления промышленности Ташкентского горисполкома.

«Гулистан» широко рекламируется в февральском номере бюллетеня павильона Всесоюзной торговой палаты «Новые товары». Там приводится и подробная рецептура этого «безалкогольного» питья. Помимо прочих компонентов, на каждые его 1 000 литров закладывается 100 литров красного столового вина и 10 литров коньяка. Если принять во внимание еще 120 килограммов сахара и 100 литров виноградного сока, добавленных к этому, нетрудно догадаться, что по крепости данный коктейль вполне может состязаться с иным портвейном.

Под стать «Гулистану» и другой тонизирующий, десертный газированный напиток, «Мокко», столь же обильно одобренный выдержанным марочным коньяком и солидной порцией ромовой эссенции (см. «Новые товары» № 3 за 1958 год). Имеются в продаже и иные прохладительные изделия, которым место скорее в разделе горячительных.

Впрочем, может быть, на некоторых редакторов бюллетеня «Новые товары» даже и выдержанные коньяки действуют, как газированная водичка?

К. ТИХОМИРОВ

г. Горький.

ИРОНИЧЕСКАЯ СМЕСЬ

ПОДСЛУШАННОЕ

— Нехватка времени привела к тому, что спектакль дозревал на зрителе.

— Докладчик не явился, поэтому собрание мы начали прямо с прений.

— Он меня безменом бах! А я его решетом, решетом!..

— Начальство критиковать — что львицу целовать: страху много, а удовольствия никакого.

ЗНАКОМЯСЬ С ДОКУМЕНТАМИ

Из протокола: «Он нанес ему оскорбление по голове».

Шел человек весной по лесу, упал в яму, наполненную водой, и утонул. Так в милиции возникло «Дело о залезе и невлезе из ямы трупа мужчины средних лет».

Из автобиографии: «Свадьбы моих родителей я не помню».

ОБЪЯВЛЕНИЯ

«Дом творчества композиторов продает два доильных агрегата».

На базарном ларьке: «Заливаем футбольные мячи и надуваем».

В Ленинградском зоопарке: «Осторожно, за забором злая собака».

ИЗ ПИСЕМ В ОДНУ РЕДАКЦИЮ

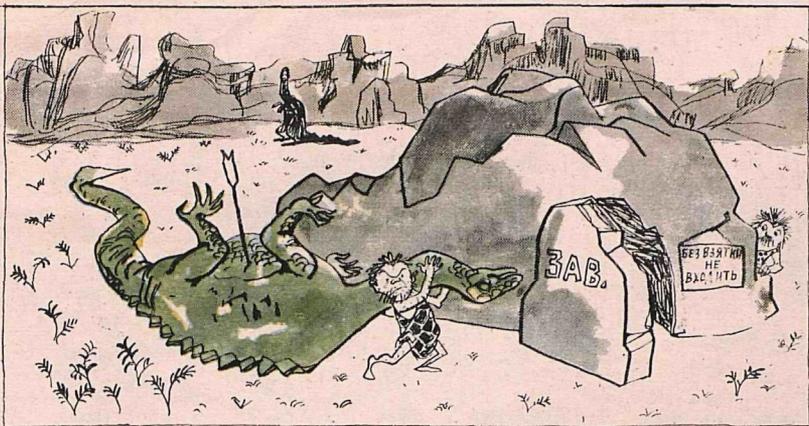
«Учитель допустил отсев из школы своей дочери».

«Если будете мое письмо помещать, то прошу отредактировать, не изменяя ничего, так как считаю, что написал нескладно и неграмотно».

«Она высокомерно сжала рот до самого малого диаметра».

В. ГЕРАСИМОВ

г. Иваново.

— А в век цивилизации взятки, вероятно, можно будет нести в одной руке!

Приятное с полезным.

ПРОИСШЕСТВИЯ

САРАТОВСКИЕ КАЛАЧИ

СУББОТА. Конец короткого рабочего дня. В кабинете начальника Саратовского областного управления торговли Александра Трофимовича Разумовского тревожно зазвонил телефон. Вызывала Москва. Из трубки задул голос начальника отдела хлебопродуктов Министерства торговли Гусева:

— Разумовский? Срочное задание: завтра самолетом командируй в Москву два свежих калача...

— Кого? — удивленно переспросил Александр Трофимович.

— Ка-ла-ча! По буквам: Коля, Анна, Лев, Анна, черт...

— Калач? — развел руками глава саратовских торговых работников. — Как же неодушевленный предмет в командировку посылать? Нет у меня таких полномочий...

— Экий ты бестолковый, братец! — забушевала телефонная трубка. — Вложи два калача в руки какого-нибудь человека, добавь билет на самолет, командировочные деньги и все это хозяйство отправь в Москву. На аэродроме твоего представителя встретят наши представители. Им и надлежит вручить калачи в собственные руки. Учти: задание министра!

Разумовский вздохнул, подумал и принялся действовать.

С особой тщательностью была подобрана кандидатура исполните-

ля ответственной миссии. Выбор пал на бывшего подполковника авиации, ныне бухгалтера-претензиониста Саратовского хлеботорга Николая Васильевича Горшкова.

Ветеран авиации не подкачал. Благополучно уселся в самолет (на этот раз в качестве пассажира), мастерски взлетел в воздух и под ровный гул моторов попытался проникнуть в тайный смысл выпавшего на его долю поручения.

Может, на этих двух калачах будет изучено влияние высоты в три тысячи метров на хлебный мякиш? Или действие трехсоткилометровой скорости на поджаристую хлебную корку? Как знать, не найдется ли в его руках судьба важного научного открытия...

Размышления прервались благополучным приземлением самолета на аэродроме столицы. С некоторым трепетом вручил Николай Васильевич два саратовских калача двум встретившим его представителям Министерства торговли (по одному калачу в две руки каждого представителя).

Срочное министерское задание было выполнено точно и в срок.

Побродил Николай Васильевич по Москве, полюбился витринами магазинов, получил в приемной заместителя министра торговли тов. Денисова отметку на команди-

ровочном удостоверении об успешном выполнении возложенного задания, уселся в поезд и отправился в обратный путь. Так и не удалось ему узнать о дальнейшей судьбе двух саратовских калачей.

Меж тем в ней не было ничего таинственного. В понедельник заместитель министра торговли тов. Денисов вызвал руководителей московского хлебозавода № 15. Отругал их за выпуск хлебных изделий низкого качества. Обиделись руководители московского хлебозавода: дескать, зря к нам придираетесь.

— Ах так! — объявил заместитель министра. — Тогда давайте сравним ваши калачи с испеченными в Саратове...

И тут появились на столе два саратовских калача. Пожевали москвичи куски калача, запили боржомом и ушли. Даже спасибо не сказали.

Ну, а потом, конечно, когда разошелся служилый народ, уборщицы выбросили остатки калача вместе с лишними копиями исходных в мусорный ящик.

И невдомек им было, что калачи эти особенные. Что они совершили дорогое воздушное путешествие за государственный счет по милой прихоти веселителю Министерства торговли РСФСР.

В. КОЗЛОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

А. РАСКИН

САПОГИ

Понимаешь,
Просто не могу
Я тебя представить
в сапогах.

Юлия Друнина.

Предраcсветной прозрачной порой
Прогремел поцелуй за версту...
Рассчитавшись на первый-второй,
Мы стояли вдвоем на мосту.
Стал мужским твой мальчишеский взгляд

(Ты любил недотрог и задир),
А на мне был мой новый наряд,
Тот, что дал мне в сердцах командир.

Тихо падали связки гранат,
Пролетали осколки камней,
И шептал ты, что любишь девчат,
Что похожи во всем на парней.
Ты щекою припал к сапогу,
Мне простиw наперед все грехи...

Сколько лет я с тех пор берегу
Сапоги,
и любовь,
и стихи.

В. ГРАНОВ,
М. ПУСТЫНИН

ТРЮКАСИ

— Что такое «Своясн»? — спрашивал я, сидя за партией в пригответельном классе... Есть «Своясн» — значит есть и «Моясн».

С. КИРСАНОВ
«Высокий раек».

— Что такое «трюкаси»? — спросил я, сидя в пригответельном классе.

Учитель ответил:

— «Трюкаси» — это пишут малые дети. Вырастают у тебя усики, — бросишь писать трюкаси.

И вот я уже не в пригответельном классе, у меня уже седые власи, а я все еще играю в трюкаси.

Семен КИРСАСИ

Не премируйте браконьера

Если в заповедник или звероводческое хозяйство, где мирно пасутся лани или бегают чернобурки, заберется бесчестный охотник и начнет палить из двустволки, а потом попытается улизнуть с добычей, его без проволочек задержат и пропишут, что надо. На страже ланей и чернобурок стоит закон. Он явно против браконьеров.

А вот как быть поэтам, если браконьер заберется в их хозяйство? Пока что он может спокойно схватить все, что приглянется его жадной натуре, и не менее спокойно удалиться со своей добычей.

В № 10 альманаха «Охотничьи просторы», только что выпущенном издательством «Физкультура и спорт», опубликовано стихотво-

рение «Охотник». Начинается оно так:

Охотника встретил я в старом лесу...

Он нес за спиной золотую лису...

Далее в стихотворении высказывалось восхищение охотником, а из последних строк становилось ясно, что охотник — девушка.

Под стихотворением в «Охотничьих просторах» стоит подпись: В. Очеретный.

Не верьте этому. В. Очеретный не автор, а самый доподлинный браконьер. Он уволок свою добычу тайком, как вор, из поэтического хозяйства Елизаветы Тарховской.

Трижды публиковала поэтесса написанную ею историю девушки-

охотника: впервые — в журнале «Дружные ребята» № 11—12 за 1944 год, на стр. 13, вторично — на стр. 80 в отдельной книге «Стихи и сказки» (Детгиз, 1954 год) и в третий раз — в своем сборнике «Скрипичный ключ» («Советский писатель», 1958 год).

Товарищи редакторы! Если браконьер Виль Николаевич Очеретный явится к вам с краденой поэзией пятнадцатилетней давности, не премируйте его солидным гонораром, как это сделала редколлегия «Охотничьих просторов», а задержите и передайте милиции. Может быть, там приваивают литературное браконьерство хотя бы к непозволительному поведению в общественном месте и отправят нарушителя суток на пятнадцать чистить снег или скалывать лед с тротуаров?

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [заместитель главного редактора] Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Издательство «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 04018. Изд. № 620. Подписано к печати 9/V 1959 г. Формат бум. 70×108%. Заказ № 1148. Тираж 1 200 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

41

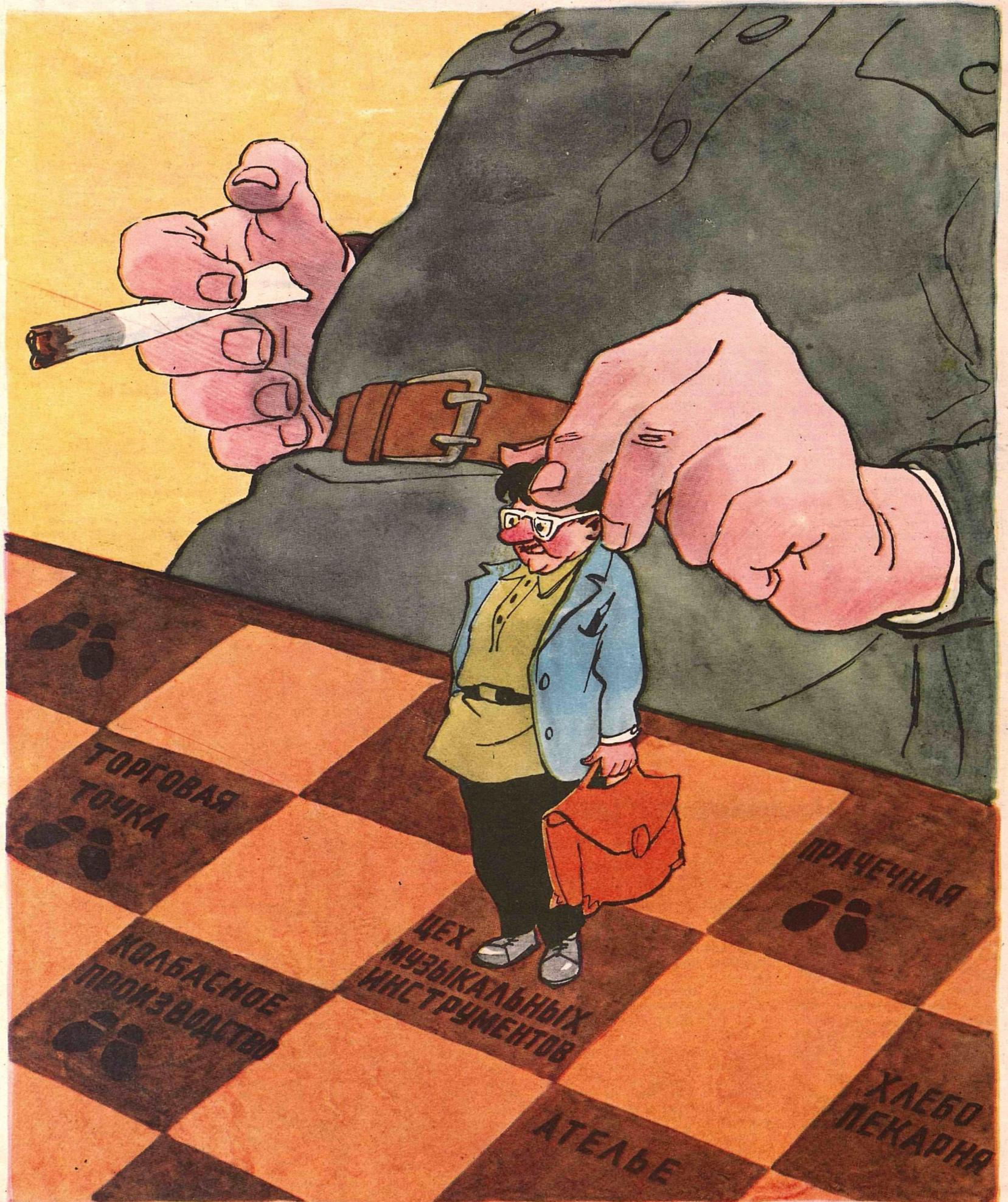
20 МАЯ 1959

НЕЗАМЕНИМАЯ ФИГУРА

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экзempl.
1959 г.

14474
М

Рисунок И. СЕМЕНОВА по теме А. Киселева
(г. Саратов), присланной на конкурс.

— Переставлю-ка я тебя теперь на это местечко!